

ТАТЬЯНА

Г

Б

Р

Ц

И

К

МОРОЗ А

К СЕБЕ

Дорога

Татьяна Герцик

Дорога к себе

«Дана Хадсон»

2016

Герцик Т.

Дорога к себе / Т. Герцик — «Дана Хадсон», 2016 — (Дорога)

ISBN 978-1-31-030526-9

Как порой сложно отличить хорошее от плохого, особенно когда тебе стукнуло восемьдесят, и ты начинаешь подводить итоги, на первый взгляд, достойно прожитой жизни. Академик Иван Ярославович, человек заслуженный и самодостаточный, понимает, что все его родные несчастливы, и в этом есть доля его вины. И решает исправить то, что можно.

ISBN 978-1-31-030526-9

© Герцик Т., 2016
© Дана Хадсон, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава первая	14
Глава вторая	23
Глава третья	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна Герцик

Дорога к себе

Эта книга предназначена исключительно для Вашего личного использования.

Она не может быть перепродана или отдана другим людям. Если Вы хотели бы поделиться этой книгой с другими, пожалуйста, купите дополнительную копию для каждого получателя. Если Вы читаете эту книгу и не покупали ее, или она не была куплена только для Вашего использования, то, пожалуйста, купите свою собственную копию.

Спасибо за уважение к нелегкой работе автора

Пролог

В большом загородном доме, скромно называемом дачей, царил переполох. Отмечали восьмидесятилетие главы большого клана, академика Ивана Ярославовича Захарова. Родни собралось больше сотни человек, и большая столовая еле вместила всех приглашенных.

Нарядные гости чинно сидели за огромным столом, поглощая деликатесы и с пиететом посматривая на виновника торжества, высокого сухопарого старика в темно-сером смокинге, с пронзительным взглядом выцветших голубых глаз. Глава рода внушал своим родственникам даже не почтение, а трепетное чувство, сходное с поклонением языческому божеству. И не зря. Каждый из сидевших здесь был ему чем-то обязан. В помощи он никому не отказывал, приговаривая: «кровь, как известно, не водица».

Восседая во главе стола, именинник оглядывал семейное сборище сумрачным взором. Редкий случай, когда вся семья была в сборе, не принес ему удовлетворения. На столе было все, что можно было купить за деньги, но вот гости сидели слишком скованно, уставясь в свои тарелки и изредка посматривая на него испуганно-восхищенными глазами. Царило мрачноватое молчание, только его сын Ярослав, бывший губернатор, ныне российский министр, с помпой что-то говорил Борису, своему племяннику, сидевшему рядом. Борис спокойно слушал, изредка согласно кивая.

Дочь Светлана в дорогом синем с серебром костюме, который, по мнению Ивана Ярославовича, ее только уродовал, сидела с Олегом, своим мужем, на самом краю стола, чтобы по мере надобности принести-унести блюда. Опять вместо официантки. А вот не надо экономить, где не надо. На его предложение провести юбилей в ресторане, или хотя бы нанять официантов, Светлана испуганно отказалась. Зачем чужие люди в доме? А еду она приготовит не хуже, чем в ресторане. К тому же дома всегда чувствуешь себя свободнее, тем более, что место позволяет. Предложила пригласить ведущего вечера, но тут уж воспротивился Иван Ярославович. Не надо ему дурацких розыгрышей и идиотских поздравлений по ранжиру поздравляющих.

Вот Светлана и маялась всю неделю, готовя то, что можно приготовить заранее. Хотя для нее это удовольствие. Вон как на столе сверкает серебро, искрится хрусталь, салфеточки сложены в затейливые цветочки. Для дочери это счастье. Другого-то нет. Этот жирный боров, ее муженек, готов только жрать и спать. Вот и сейчас с трудом скрывает зевоту. А попробуй-ка слопать столько, сколько он? За столом уснешь. Да уж, развела Настя в свое время Светлану с Володькой, и зря.

Он покосился на пустующее место хозяйки рядом с собой. Насти вот уж год как нет. А он все думает о ней, как о живой. Надо было при жизни побольше с ней говорить. Хотя как говорить, если она его безмерно раздражала своими непомерными амбициями? Но нужно признать, ей с ним тоже было несладко. Сколько лет она прожила с нелюбящим мужем? Не всю же жизнь? Поначалу он ее любил, иначе зачем бы женился? Потом встретил другую, но уйти из семьи себе не позволил. Сейчас уже и не помнил почему, то ли потому, что порядочным был, то ли боялся, что из ректоров выгонят за аморалку.

Но это дело прошлое. А вот со Светланой в свое время поговорить надо было, убедить не рушить семью в угоду чванливой матери. А он не стал. Решил, что у каждого своя жизнь. Девка она молодая, видная, найдет не хуже. А вот не нашла. Этот ее Олег, нахлебничек откровенный, хотя и работает. Да и пасынка-то старше всего на восемь лет. Прибился к богатой дамочке, живет, не тужит. Хотя кому нужна такая полусонная жизнь? Ест да спит, вот и все счастье. Даже любовниц не заводит, боится, как бы с такого сладкого места не турнули.

Он перевел взгляд на сына. Ярослав с одной стороны молодец, до министра дорос. А с другой вот уже третья жена сидит рядом. Как ее зовут? Анжела? Выпендристая бабенка с пре-

тензиями. И что он в ней нашел? Хамовитая и неумная. Хотя сидит тихо, видимо, его побаивается.

И сыновья Ярослава от первых браков тут же. Хорошо хоть, бывшие жены не появились. А то бы настоящий гарем получился. Иван Ярославович тихонько хрюкнул, подавив смешок. Парни уже большие, скоро женить, а они все как тушканчики на косогоре сидят, не шелохнутся. Наверняка их опять дедом пугали, он давно в их семействе что-то вроде злого языческого божка.

Эх, не таким бы он хотел видеть семейное торжество. Чтоб было весело, радостно, а то сидят все как на поминках. Скукота. Но и в этом виноват он сам. Видимо, он всех своих домочадцев запугал до дрожи в коленях. Кроме Бориса.

Тот, будто почувствовав, что дед думает о нем, поднял голову и лукаво ему подмигнул.

Но Борис на особицу. Его, в отличие от детей, которыми занималась жена, воспитывал он сам. После развода Светланы, желая облегчить ей жизнь, забрал внука к себе, тот стал младшим и самым любимым его ребенком. И вырос славным парнем. Хотя и несчастливым. И в этом тоже его вина.

Какого лешего он ляпнул четыре года назад, что Василиса не подходит их семье? Лучше бы промолчал. Нет ведь, великим знатоком человеческих душ себя считал, и вот результат: она замужем за другим, а внук до сих пор холостякует, хотя уже немало времени прошло. И не видно, чтоб кто-то нравился.

Эх, сколько ошибок сделано в жизни! И вряд ли получится что-то поправить. Хотя как знать? Надо попробовать. Давая волю своей страсти к цитированию древних, подумал: «*Corrige praeteritum, praesens rege, serne futurum?*» (1). А что? Мозги у него, слава богу, еще работают, хоть тело порой и начинает отказывать. Он осторожно растер под столом ноющее колено, надеясь, что этого никто не заметит.

– Папа, я постоянно беспокоюсь, что ты едешь по городу один. Возраст у тебя немаленький, вдруг что случится? – Ярослав внезапно продемонстрировал недюжинную проницательность.

Иван Ярославович недовольно фыркнул.

– У меня при себе документы, ежели что, сообщат.

– Я не о том, папа. Если у тебя будет сопровождающий, да еще с медицинским образованием, то «ежели что» и не случится, потому что помощь будет оказана вовремя и профессионально. Если у тебя денег нет на сопровождающего, то я его услуги оплачу.

Это был не более чем широкий жест, потому что Иван Ярославович никогда от него деньги бы не взял, это все знали.

– Не волнуйся. Несмотря на то, что я отказался от ректорства, за преподавание я получаю вполне прилично, и пенсия у меня не маленькая. Если я решу взять няньку, то за свой счет.

– Подумай об этом, папа! Этим ты снимешь со всех нас тяжкий груз. – Ярослав упорно стоял на своем, он не привык, чтобы его мнение игнорировали.

Откровенный взгляд, посланный ему женой, говорил о другом: она мечтает, чтоб свекор их никогда не тревожил, что возможно только при летальном исходе. Ярослав в ответ предупреждающе нахмурился.

Иван Ярославович, заметивший эти переглядки, усмехнулся.

– Обязательно подумаю, сын. В свое время.

Светлана Ивановна, тоже подметившая недобрый взгляд невестки, поспешно предложила, гася назревающий конфликт:

– Кто желает, может потанцевать в соседней комнате. Или покурить на веранде.

Иван Ярославович подметил про себя, что дочь себе не изменяет. Дипломат по жизни. Только вот характер слабоват, ни разу матери не смогла сказать твердое «нет», потому рядом с ней и сидит этот недоваренный пельмень в роли мужа.

Мужчины, обрадовано зашумев, дружно потянулись к выходу, даже те, кто не курил, и скучковались на крытой неотапливаемой веранде. Женщины, зная резко отрицательное отношение именинника к курению, женскому в особенности, пойти перекурить не решились, боясь его острого языка.

Ярослав с племянником, накинув теплые кожаные куртки, прошли к беседке по запорошенной белым снегом дорожке. Пользуясь тем, что никто из родственников за ними не пошел, дядька начал приватный разговор.

– Как мать? Что-то она больно суетится.

– Нормально. Она всегда суетится. – Борис искоса посмотрел на дядьку, понимая, что это только начало.

– Да? Не надо было такого молокососа в свое время подбирать. Хотя ему тоже не позавидуешь.

Борис удивился.

– Не позавидуешь? Почему? Наоборот, он всем доволен. Вон как разжирел, скоро в дверь не пролезет.

– Потому и разжирел, что несладко. Особенно теперь, когда тесть к ним жить перебрался. Он и раньше-то отца страшился, по струночке ходил, а теперь и вовсе взгляд поднять боится.

– Боится деда? Да с чего?

Ярослав Иванович засмеялся, с силой ударив племянника по плечу.

– Да отца все боятся, кроме нас с тобой. Моя жена даже ехать сюда не хотела, говорит, что ей от одного взгляда свекра тошно становится. Вот и Олег то же чувствует.

– Никогда за ним особых эмоций не замечал. – Борис нахмурил брови, пытаясь припомнить что-то подобное в поведении мужа матери. Отчимом он его не считал. – Всегда всем доволен, правда, иногда на какую-нибудь подначку мне отвечать пытается. Довольно флегматично, кстати.

– А ты себя на его месте представь. Немолодая жена, то есть детей не жди. От одного взгляда тестя в дрожь кидает. Пасынок, – тут Борис недовольно поморщился, ему не нравилось это слово, – ни в грош не ставит. Что в такой жизни хорошего?

– Покой, еда, полная обеспеченность. Если бы ему это не нравилось, то давно бы смотался.

– Смотался, говоришь? А вдруг я или бывший тесть мстить вздумаем? Или ты за мать решишь вступиться? От него ведь тогда рожки да ножки останутся.

– Да кому он нужен? Он это прекрасно знает. Его имя после его отъезда через пять минут и не вспомнит никто. – Борису дядькины рассуждения показались надуманными.

– Тогда подумаем о другом. Он к Светлане хорошо относится, и обижать ее не хочет. А ее он своим уходом обидит, не находишь?

– Ну, возможно, – Борису пришлось признать правоту дядьки. – Мать в самом деле на него практически всю жизнь угрохала.

Ярослав решительно припечатал:

– Обслуга, одним словом. Тоже ничего хорошего в жизни не видала. Я вот никак этих баб завистливых не пойму. Моя первая жена все ей завидовала, мол, не работает, делает, что хочет.

Борис догадливо подхватил:

– То есть моет, стирает, убирает, готовит?

– Ну да. Жена все брюзжала, что обычные женщины это делают после работы, когда их мужья на диване перед телевизором валяются. Хотя работают не меньше мужей, порой еще и зарабатывают больше.

Борис не поверил своим ушам.

– Она у тебя что, работала? Я ее почти не помню, маленький еще был.

Ярослав с непонятной гримасой подтвердил:

– Из всех моих жен работала она одна. И, если ты не в курсе, она единственная от меня ушла.

– Жалеешь?

Ярослав Иванович немного призадумался.

– Было немного в свое время. Сейчас-то прошло. А у тебя как дела? На свадьбу когда звать будешь?

Борис невесело усмехнулся.

– Какая свадьба, ты о чем?

– А зачем ты тогда особняк трехэтажный отгрохал? Один жить будешь? Или продашь, а себе новый построишь? – дядька вонзил в него пронзительный взгляд, подражая отцу.

Борис не знал, зачем построил себе трехэтажный особняк в тыщу квадратов. Для него одного коттедж и впрямь был великоват, проект был предназначен для большой семьи. Верхние этажи вот уже два года стояли необустроенными. Он туда и не заглядывал.

Ярослав Иванович пристально взгляделся в смурное лицо племянника.

– Ладно, пытаться не буду, знаю, все равно ничего не скажешь. Только скажи, та девчонка, которую ты как-то к нам в ложу в театре приводил, с ней что?

Борису стало не по себе. Он-то думал, никто ничего не понял, но дядька оказался проныцательнее и памятьливее, чем он считал. Небрежно пожал плечами.

– Да ничего. Она замужем за тем врачом, что был с ней.

– Вот как... – голос дяди был полон сочувствия, – понятно. Что ж, похоже, ты у нас еще долго в холостяках ходить будешь.

Борис хотел было пройтись насчет любвеобильности дядьки, но не стал, проявив дипломатичность. Дядька он, конечно, снисходительный, но, тем не менее, министр. А министров на смех поднимать не полагается. Тем более, что от них много чего зависит.

Постояв еще немного, они замерзли и вернулись в дом. Уже на подступах стала слышна громкая музыка. В гостиной вовсю шли танцы. Даже и не танцы, а, к изумлению Бориса, русские пляски. Барыня, трепак, кадрили сменяли друг друга. Гости веселились вовсю. Правда, веселье было натужным, но Борис обрадовался и такому. Он видел, как был мрачен дед.

Заметив Бориса, Анька, его троюродная сестра со стороны Анастасии Петровны, шустрая девица двадцати лет в узком платье для коктейлей, оголенная и сверху, и снизу, подхватила под руку и заставила танцевать с ней кадрили.

Стараясь повторять за ней фигуры и по возможности попадать в такт, он влился в ряды веселящейся молодежи.

– Чего это вы такие странные танцы выбрали?

– А мы стараемся имениннику угодить. – Анька кивнула в сторону Ивана Ярославовича. – Ему нравится. Да и веселее, знаешь. На дискотеках такое не потанцуешь. Там одни прыгалки с топтанием на месте.

Борис разыскал взглядом деда. Тот и в самом деле смеялся, недовольно сощурился глаза. Зная его манеру зло потешаться над тем, что ему не нравится, Борис решил, что деда кто-то раздосадовал. Но вот кто?

Посмотрев по сторонам, заметил пылающее сердитой краской лицо Анжелы. Вот оно что! Наверняка сказала очередную глупость, дура набитая. И почему у дядьки жены раз от разу все глупее и глупее? Он что, надеется на фоне неумных жен выглядеть презентабельнее?

Анька дернула его за рукав, и он был вынужден повернуться к ней.

– Ты что-то сказала?

– Я говорю, пойдем прошвырнемся? Курить хочется, а одна боюсь.

Борис вспомнил, что троюродные не считаются близкой родней, и Анька наверняка строит насчет него какие-то матримониальные планы. Поспешно отказался:

– Нет, мне некогда. Я матери помогаю.

Аньке и в голову не пришло предложить свою помощь, она лишь кисло заметила:

– Примерный сынок?

– Конечно. Кто еще ей поможет, если не я?

Это прозвучало слишком пафосно, но Анька не обратила на это внимания. Бойкую кадрили сменил медленный вальс, и Анька от него отцепилась. Не дожидаясь других претенденток на свою персону, Борис сбежал на кухню, где хозяйничала мать в большом фартуке с аляповатыми красно-синими цветами.

– Чем помочь? – Борис взял подготовленный матерью поднос с многочисленными пирожными, аккуратными рядами уложенными на маленькие тарелочки. – Надеюсь, ты не сама эту уйму готовила?

Мать обиделась.

– Почему не сама? Как раз сама. Ты считаешь, я готовлю невкусно?

– Я считаю, что готовишь ты очень вкусно, но зачем убиваться? Столько наготовить, это ж сколько времени надо потратить?

– У Господа дней много. – Светлана Ивановна произнесла это нараспев, с каким-то непонятным Борису чувством.

От неожиданности он замолчал и унес поднос в столовую. Переставив тарелочки с подноса на стол, сердито заметил все так же сидевшему за столом и что-то жевавшему Олегу:

– Чего сидишь? Помог бы матери, что ли!

– Я ей всю неделю помогаю. А вот ты где был, сынуля? – Олег ответил ему таким же неприязненным тоном.

– Я на твоём месте официантов бы нанял.

– Я ей это предлагал, и свекор тоже. – Пренебрегая правилами хорошего тона, Олег положил в рот одну из принесенных Борисом пирожных, и принялся жевать, невнятно бормоча: – Но твоя мать решила иначе, а я с ней ссориться не хочу. Ты же знаешь, она все делает сама. Думает, так ее ценить больше будут.

– Кто будет больше ценить?

Проглотив пирожное, Олег пристально рассмотрел тарелочки, выбрал корзиночку с взбитым кремом и вишенкой на макушке.

– Ну, не я, естественно. Я ее и так ценю. А вот как насчет тебя?

Борису очень хотелось сказать, что Олег в дверь скоро не войдет, если будет так жрать, но сдержался.

– Я ее тоже ценю...

– А чего ж тогда всю неделю не показывался? Хоть бы за продуктами разок съездил, какая-никакая, а помощь! – Олег выпятил грудь, изображая старшего по званию.

Оправдываться и говорить, что неделя выдалась слишком суетливая, чтоб он мог помочь в организации юбилея, было глупо. К тому же страсть матери делать все своими руками его просто раздражала. Не желая ссориться в такой день, Борис сбежал в свою комнату на мансарде, закрыл дверь на ключ и затаился до окончания вечера. Услышав, как уезжают гости, спустился вниз и стал помогать матери убирать остатки пиршества.

В это время утомленный Иван Ярославович попрощался с довольными родственниками. Они считали, что праздник удался. Особенно радовались родственники покойной жены. Все они были людьми простыми, непритязательными, и щедрое угощение ввергло их в состояние эйфории. Его интеллектуальная родня была сдержаннее, но удовлетворения тоже не скрывала.

Когда подошла очередь сына с невесткой, Ярослав сдержанно пообещал:

– Ты не сердись, отец, я с этой куклой, – он кивнул на рдевшую досадливым румянцем жену, – поговорю по-свойски.

– А зачем? Ума ты ей этим не прибавишь. Она «a nativitate» (2) такая. В этом случае выход кардинальный – поменять ее на более продвинутую модель. Модель не в смысле демонстратора одежды, а в смысле более передового агрегата. С недалекой женой далеко не уедешь, тормознут непременно. Она наверняка не только мне гадости говорит, но и твоих друзей и соратников своими дурными высказываниями отпугивает. – Тон Ивана Ярославовича был язвительно-ласковым.

От его слов Анжела передернулась и подвинулась поближе к мужу в поисках защиты. Но тот, похоже, принял слова отца к действию.

– Я над этим подумаю, отец. Для чиновника такого уровня, как я, иметь ограниченную жену непозволительно. В самом деле тормознут. И прощай карьера.

Анжела готова была разрыдаться, не понимая, за что ее подвергли такой безжалостной обструкции, но муж твердо взял ее под руку и увел из дома.

Распрощавшись с последними гостями, Иван Ярославович ушел к себе. Сняв неудобный смокинг и переодевшись во фланелевую полосатую пижаму, позвонил Борису и попросил перед сном заглянуть к нему на часок. Удобно устроился в кресле-качалке, обернул ноги пушистым пледом, и задумался.

Внук пришел через полчаса. За это время Иван Ярославович, угнетаемый чувством вины, решил, что сидеть сиднем может каждый, а вот исправить сделанные в жизни ошибки под силу лишь выдающимся умам. Посмеявшись над своим софизмом, спросил у Бориса:

– Матери помогал в доме прибирать?

– Ну да. Олечка ушел отдохнуть. Он крайне устал.

– Как обычно. Обожрался и спать завалился. – Аскетичный Иван Ярославович не мог понять, как можно столько есть. На укоризненный взгляд внука оправдался: – Ты же сам так всегда говоришь.

– Он помогал матери накрывать на стол. – Борис постарался быть справедливым. – Сам знаешь, это не простая процедура. Мать заставила его натереть до блеска все приборы. И он утверждает, что всю неделю крутился, как белка в колесе. Продукты закупал и прочее.

Дед небрежно взмахнул рукой.

– Да он только на это и годится! Поддай-принеси, забери-унеси! Но ты садись давай, у меня к тебе непростой разговор.

Борис подвинул стул к дедову креслу-качалке и устроился поудобнее, по опыту зная, что дедовы беседы короткими не бывают. Но разговор начал первым.

– Ладно, но давай побыстрее, мне сегодня домой ехать. Тебя Анжела достала?

Иван Ярославович зло хохотнул.

– Она старалась быть вежливой. Ей просто этот домик очень нравится, как ты помнишь. И квартира моя. Так вот, она намекнула, что в Москве у нее министерская квартира неплохая, но служебная. Поэтому мне нужно позаботиться о том, чтобы у них с мужем была своя, не менее удобная, квартирка. Можно в Москве, но лучше в Лондоне или Париже.

Борис присвистнул.

– От скромности дамочка не помрет, это точно! Она что, прямо так и сказала?

– Ну что ты, не такая уж она дура. Обиняком, обиняком. Но все было понятно. В общем, я должен продать все, что у меня есть, чтобы эту мадам обеспечить. Или, тут она сказала прямо – она от Ярослава уйдет. У нее есть предложения получше. От американского миллионера.

Борис звонко хлопнул себя по бедрам.

– Как жаль, что меня при этом не было! Вот весело-то было!

– Смотри как смотреть, – Иван Ярославович процедил это сквозь зубы, все еще не в состоянии унять гнев. – Мне за Славку обидно.

– Конечно, он ее, можно сказать, на помойке подобрал, помыл, отчистил, в люди вывел, а она такие фортеля выкидывает. Никакой благодарности!

– Славка не кот Матроскин из книжки Эдуарда Успенского, не путай! Но жадность из его женушки из всех пор прет, это так. Ну да черт с ней. Думаю, Ярослав задаст ей жару. Да и отставку даст.

– Министрам жен менять невместно.

– А он и не будет менять. Он с ней разведется и будет холостяковать.

– Конечно, перед глазами есть высокий пример. Путь, так сказать, освящен.

– Давай лучше о тебе поговорим, Борис. Я вот смотрел на тебя сегодня, и уж очень ты мне неприкаянным показался. Что, так и не смог Василису забыть?

Внук сердито посмотрел на деда и ничего не ответил.

– Уж извини, что в душу к тебе лезу, просто у меня период такой наступил. Как бы его назвать? Покаяния, наверное. Я столько в жизни делал неправильно, вернее, не делал того, что нужно было делать, и от моей пассивности пострадали мои близкие. Я не о Ярославе говорю, он самодостаточен, да и разумно эгоистичен. Любить по-настоящему он никогда не умел, потому и баб меняет без угрызений совести.

– Мой папаша тоже так делает. – Борис не мог понять покаянного настроения деда. – Это теперь никем не осуждается.

– Ты не прав! – Иван Ярославович осуждающе посмотрел на внука. – Володька на молодых баб не бросается. Все его пассии его возраста или немного моложе. И это он делает от внутренней неустроенности. У него после развода пустота в душе образовалась. Думаю, теперь ты его вполне понимаешь.

Внук принялся внимательно разглядывать занимательный узор на персидском ковре под ногами, и ничего не ответил.

– Чем я могу тебе помочь? – Иван Ярославович упрямо продолжал пытаться Бориса.

Тот сердито отмахнулся.

– Хватит каяться, дед. И ничем ты мне помочь не можешь. Что ты можешь сделать? Или я? Если ты считаешь, что мне нужно вызвать Виталия на дуэль, убить его и жениться на его вдове, то ты слишком поздно родился. Да и не хочу я Василисе никакую боль приносить. Я ее люблю.

– Самопожертвование хорошо, но в меру. Ее Виталий любит?

– Не знаю. Раньше он Ольгу любил, это точно. – Озадаченный Борис положил руку на лоб и с силой потер. – А как сейчас, кто его знает?

– А Ольга что?

– Она тоже замужем. За Глебом Абрамовым. Ты его знаешь.

– Знаю-знаю. Мне он, кстати, не показался любящим и верным мужем. Во всяком случае, когда я его видел в последний раз, он весьма плотоядно оценивал ножки проходящих мимо барышень.

– За ним это водится. Ну и что? Какое это отношение имеет к Василисе?

Иван Ярославович раздумчиво проговорил:

– А если убрать слабое звено? Не повернется ли это к всеобщей пользе?

Борис изумленно присвистнул, но ответил решительно:

– Это бабушка надвое сказала. И не стану я Василисе никаким образом вредить. Даже косвенно. – Заволновавшись, горячо потребовал: – И, вообще, давай оставим все, как есть. Не строй из себя бога, дед. Ты на него вовсе не похож.

Иван Ярославович умиротворенно закивал, успокаивая взволнованного внука.

– Безусловно. Но, как говорится, «*dum spiro – spero*» (3).

– Ты о чем, дед? Какая надежда? Тут уж гораздо ближе «*lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*» (4).

– Не надо столько пессимизма! Данте хорош, но не в данном случае. Оптимистичнее надо быть, оптимистичнее. – И разрешил: – Ну, в общем, мы договорились, можешь ехать.

– О чем это мы с тобой договорились? – Борис подозрительно прищурился. – Я ни о чем с тобой не договаривался. Говори прямо, что задумал, дед!

Иван Ярославович с присущим ему едким и весьма остроумным сарказмом заверил внука, что ничего такого-этакого он не задумал, и посоветовал ехать поскорее домой, раз уж Борис решил сегодня на даче не ночевать. Ночь на дворе, ездить по ночам по нашим дорогам небезопасно.

Посоревновавшись в знании латыни с дедом, Борис уехал в свой коттедж в твердой уверенности, что дед задумал какую-то авантюру, и не знал, как ему в этом помешать. Он давно убедился, что все задуманное дедом доводится им до конца, невзирая ни на какие преграды и препоны.

Оставшись в одиночестве, Иван Ярославович удобно устроился в постели, взбил подушку и принялся не спеша обдумывать план действий. Итак, «*corrige praeteritum, praesens rege, cerne futurum*»! (1)

Для начала надо вернуть Владимира. Из последнего с ним разговора он точно знал, что тот пока свободен. Так что нужно воспользоваться моментом и намекнуть, что лучше ему ни с кем, чем со Светланой, не будет. Но для этого нужно как-то поделикатнее избавиться от Олежки. Хоть он ему и не импонирует, но надо признать, что за двадцать с лишком лет жизни с дочерью зять ничего криминального не совершил. Хороший аппетит не любовница, его в вину не поставишь.

Дальше надо заняться судьбой Бориса. А вот это сложнее. В этом случае подтолкнуть судьбу не получится. Надо ждать, когда порвется слабое звено. А на это могут уйти годы. Для ускорения процесса нужно что-то предпринять, но вот что?

Перебрав множество вариантов, Иван Ярославович решил поискать красотку, которую можно было бы пустить по следу Глеба. Конечно, этот путь не совсем порядочен с нравственной точки зрения. Но что такое нравственность, то бишь мораль? Сегодня она у общества одна, завтра другая. Главным же во все времена было одно – выгода. Мораль упорядочивает жизнь, поэтому выгодна широким слоям населения. Но всегда находились люди, которые ею пренебрегали, прельстясь чем-либо более выгодным. И, похоже, на этот раз он тоже войдет в это малопочтенное число.

Если повезет.

Глава первая

Девушка тупо смотрела на преподавателя, не понимая, чего он тянет резину. Ну, не знает она предмет, и что с того? Ставь тройку, и баста! Все преподаватели так делают, тем более что учится она на коммерческой основе. Но этот академик просто зверь какой-то! Предупреждали ее, что с ним ее голубоглазая наивность не прокатит, и надо знать хоть какой-то минимум, но она, как обычно, понадеялась на всесильный авось. И зря.

Принялась привычно канючить:

– У меня сложная жизненная ситуация. Родители не помогают, денег нет, приходится работать, чтоб заплатить за учебу. Да еще жить приходится в общежитии, заниматься невозможно. – Она надеялась, что академик не станет слишком уж вникать в ее проблемы, поскольку из всего ею сказанного истине соответствовала только общежитие.

Но Иван Ярославович ее тяжелому положению сочувствовать не стал.

– Вот что, Марина Светлова, оценку я вам не поставлю. Не за что. Это вы и сами понимаете. И не надо нежно смотреть на меня не обремененным мыслью голубым взглядом. Я дурак и в молодости не терпел, а теперь и подавно.

Не отдавая зачетку, Иван Ярославович помедлил, прикидывая ее возможности. Девушка вполне сексапильна, чтобы заинтересовать избалованного сибарита. И легкомыслия в ней достаточно, чтоб угодить в расставленную им ловушку. Хотя кто заподозрит его, такого почтенного, убеленного сединами и увешанного наградами академика, в непристойном намерении подложить барышню в постель к женатому мужику? Да никто!

Он снова оценивающе посмотрел на студентку. Пухленькая бело-розовая красотка с пустоватым взглядом. Как раз то, что нужно. Возможно, у него ничего и не выйдет, но попытаться стоит. Не сидеть же сложа руки?

Иван Ярославович принялся размышлять вслух:

– У меня есть возможность принять у вас экзамен во вторник. Я буду на Ленина, 50, там у меня дела. Освобожусь около часа дня. Но вот в университет ехать мне совершенно не с руки.

Обрадованная таким вариантом Маринка торопливо предложила:

– Там рядом кафе есть довольно приличное, «Марианна». Можно встретиться там? Если вы не против, конечно.

Иван Ярославович мысленно скомандовал себе «так держать!». Он рассчитывал услышать название именно этого кафе, офис Глеба Абрамова находился рядом. Если повезет, в кафе зайвится и сам Абрамов собственной персоной, время-то обеденное. А если его не окажется, нужно будет как-нибудь невзначай о нем обмолвиться. А уж Марина Светлова свой шанс на лучшую жизнь не упустит. Он за свои преподавательские годы таких юных щучек повидал немеряно. Но в данной ситуации ее стремление жить не напрягаясь ему только на руку.

– Хорошо, встретимся в кафе ровно в час. Не опаздывайте, и поверьте, на меня ваши душещипательные вздохи и закаты глазок не подействуют. Если не хотите вылететь из университета, то выучите предмет.

Марина зло посмотрела на него, но Иван Ярославович поднялся и бодро почкапал к выходу, стараясь держать спину прямо. Именно сегодня, как на грех, поясница болела сильнее обычного. В его возрасте вполне можно было ходить с тростью, тем более что трость красного дерева ему подарили еще лет десять назад, но Иван Ярославович старался не поддаваться старости. Телом нужно управлять – было его жизненным кредо. Только вот с возрастом дряхлеющее тело все меньше и меньше поддавалось управлению.

В кафе «Марианна» Иван Ярославович пришел в половине первого, дабы произвести рекогносцировку. Устроился за накрытым голубоватой скатертью столиком в углу, откуда было

видно все кафе, и огляделся. Помещение было ни большим, ни маленьким. Это было удобно. Он не знал, запомнил ли его Глеб, когда их знакомили пару лет назад, но на всякий случай на глаза ему попасться не хотел, что в маленьком помещении было бы неизбежно. В большом он и сам мог не заметить Глеба, ведь ему не по сторонам глазеть нужно, а экзамен принимать у тупоголовой девицы.

К нему неспешно подошла официантка в белом кокетливом фартучке, мельком скользнув по нему пренебрежительным взглядом. Понятно – старики в ее глазах были малозначимыми клиентами. Иван Ярославович ответил ей пронзительным взглядом, которым ставил на место самых разнузданных студентов, и она по-солдатски подтянулась, изобразив приветливую улыбку, мгновенно догадавшись, что перед ней большой начальник. Академик заказал чашку чая, хотя чай не любил. Он предпочел бы чашечку крепкого кофе, но для кофе было уже поздно, вечером ему не заснуть. Иван Ярославович никогда не пил кофе после двенадцати часов дня. Возраст, что поделаешь. Это в молодости он по ночам перед экзаменами литрами цедил кофе, и все равно засыпал над конспектами.

Ровно в час дня в кафе впорхнула Светлова в прелестной шубке голубовато-серебристого оттенка. Оставив шубку в гардеробе, прошла в зал в строгом деловом костюме, без признаков макияжа на лице. Если бы Иван Ярославович не ждал ее, то подумал бы, что это служивая дама из офиса Абрамова, настолько деловито та выглядела.

Поздоровавшись, она села на кресло напротив и предложила:

– Что ж, попробуйте! Я готова.

К удивлению академика, она довольно связно ответила на все его вопросы. Ставя оценку в зачетку, он удовлетворенно заметил:

– Ну вот, можете, когда хотите! Мозги у вас есть, хотя вы этот факт успешно скрываете. Если бы вы ответили мне так в первый раз, то я с удовольствием поставил бы вам четверку. А так только тройка, уж извините.

Маринка взяла зачетку и спрятала в сумочку. Сколько мучений из-за какого-то непрофильного предмета! Она хотела уйти, но Иван Ярославович предложил:

– Чаю не хотите? Чай здесь неплохой. Правда, платить я за вас не буду, это неэтично.

Маринка хотела гордо отказаться, но тут в кафе зашла группа хорошо одетых мужчин с повадками хозяев жизни, и она с азартно загоревшимися глазками согласно кивнула головой. Иван Ярославович, разглядев среди вошедших Глеба, довольно усмехнулся кончиками суховатых губ. Пока все идет по плану. Взглядом подозвал все ту же официантку, и Маринка заказала себе чай с песочным пирожным.

Мужчины устроились неподалеку, и Иван Ярославович, слегка понизив голос, обратил ее внимание на Глеба:

– Видите юношу в темно-сером костюме? Высокий такой, симпатичный? Это один из ведущих бизнесменов города Глеб Абрамов, можно сказать, надежда нашего строительного комплекса. К сожалению, не мой ученик, а то бы я им гордился. Но мне пора. До свидания. Надеюсь, все остальные экзамены в нашем университете вы будете сдавать на таком же достойном уровне, как сегодня.

Он ушел с чувством хорошо сделанной работы, а Маринка с охотничьим интересом уставилась на указанного академиком «юношу». На ее взгляд, это был вполне зрелый мужчина чуток за тридцать, подтянутый, загорелый и очень привлекательный. Заметив ее интерес, он оценивающе посмотрел на нее и еле заметно усмехнулся, вопросительно приподняв бровь. Она поняла намек и в ответ слегка, не привлекая к себе излишнего внимания, кивнула.

Обед подошел к концу, мужчины расплатились и вышли. Но шедший последним Абрамов на секунду задержался возле ее столика, небрежным жестом бросив рядом с ее недопитой чашкой чая свою визитку. На ней от руки был приписан его личный телефон.

– Позвони в четыре, – он не сомневался в ее согласии.

Маринка посмотрела ему вслед, капризно надув пухлые губки. Какой самоуверенный! Неужели он думает, что ей, как комнатной собачонке, достаточно только свистнуть?! Не будет она ему звонить, не дождется! Увидит, что есть еще на свете гордые девушки!

Она позвонила ему ровно в четыре.

Борис привычно гнал Мерседес, не глядя по сторонам. Зачем? Дорога была привычной до оскомины. Чтоб успеть в офис до надоевших городских пробок, он выезжал из дома на полчаса раньше. Проще было купить квартиру поближе к работе, но ему нравилось его нынешнее жилище. Уютный коттедж в сосновом бору, три этажа, все удобства, в черте города. Дядька прав, конечно, для него одного он слишком велик, но с этим ничего не поделаешь. По крайней мере, сейчас. Возможно, когда-нибудь потом...

Мимо с надрывным завыванием промчалась скорая помощь, и Борис невольно вздрогнул. С силой сжав руки на руле, проводил ее пристальным взглядом, неосознанно надеясь увидеть Василису. Опомившись, негромко чертыхнулся. Сколько времени уже прошло? Четыре года? А он все еще жалеет о своей глупости! Но разве в то далекое безмятежное время он мог предположить, что умудрится увязнуть так глубоко и надолго? И вообще, любить чужую жену смешно! Особенно когда нет надежды ее отбить.

Притормозил у светофора на красный свет, рассеянно повел глазами по сторонам. Взгляд случайно упал на нежно обнимавшуюся парочку, выходящую из подъезда стоящего у дороги дома. В облике мужчины было что-то смутно знакомое, и Борис напрягся, вспоминая. Да это же его конкурент Глеб Абрамов! А кто это с ним? Явно не его жена! Его жену он знал, она работала на станции скорой помощи в одной смене с Василисой. А эта молодая краля на нее вовсе не похожа. Борис чертыхнулся. Ну и ну! У Ольги ночная смена, и муж решил не скучать в одиночестве?

Зажегся зеленый свет, он был вынужден уехать. Оставив машину на парковке фирмы, зашел в офис с заднего хода, вежливо поздоровался с охраной, выслушал краткий доклад об отсутствии ночных происшествий, и прошел к себе. По дороге вновь встретил хорошенькую сотрудницу экономического отдела, умудрявшуюся по несколько раз на дню встречаться ему на пути. Он подозревал, что она его попросту караулит, и решил спросить у нее, когда же она умудряется работать.

Будь это до встречи с Василисой, он воспользовался бы столь откровенным предложением, но теперь у него не было никакой охоты встречаться с настырными дамочками. И с ненастырными тоже.

В приемной никого не было, но этому он только обрадовался. В голове гвоздем засела встреча с Глебом, нужно было время все хорошенько обдумать. Неужели Абрамов разлюбил жену? Неприятно, но случается. И не так уж редко. Хотя молоденькая дурочка, висевшая у него на руке, больше чем на одноразовую подружку не тянула, но в жизни все бывает. В голове появилась какая-то смутная мысль, начала было оформляться, но тут в приемную с шумом и грохотом, зацепившись карманом за ручку дверей и сделав удалой разворот, ворвалась его бравая секретарша Ираида, и с нерабочими мыслями пришлось покончить.

– Доброе утро! Что вы так спешите, Ираида? До начала работы еще полчаса!

Отцепившись от зловредной ручки, сняв на ходу ветровку и засунув ее в шкаф, та категорично отрезала:

– И что из того? Хорошая секретарша должна быть на рабочем месте минимум за десять минут до прихода шефа!

Порой Борису хотелось, чтоб Ираида была не настолько уж хорошей секретаршей, но высказывать вслух столь кощунственные мысли он себе не позволял.

– О, вы королева среди секретарш! В этом нет никаких сомнений!

– Вы льстец, шеф! Но я и в самом деле стараюсь соответствовать! Идите в кабинет, я сейчас принесу вам кофе, и мы вплотную займемся работой! – ее тон не предполагал возражений.

Борис послушно прошел в кабинет, привычно спрашивая себя, кто из них главнее, и столь же привычно соглашаясь, что, естественно, секретарша.

Ровно через пять минут Ираида подала недурственный кофе. Борис многократно без всякого успеха говорил, что он и сам в состоянии с помощью кофеварки обеспечить себе сносный кофе, но Ираида считала, что священнодействовать с кофе в этом кабинете дозволено только ей. Шеф со словами благодарности принялся пить кофе, а секретарша в это время деятельно раскладывала папки с бумажками по ранжиру.

Расправившись с папками, она принялась перечислять шефу, что тому нужно сделать в первую очередь, а что можно и отложить. Все это Борис прекрасно знал и сам, но веру секретарши в собственную непогрешимость не опровергал. Так было спокойнее. Для чего суетиться из-за такого пустяка?

Расправившись с неотложными делами, Ираида посмотрела на часы.

– Может, вы хотите передохнуть? – это прозвучало так, будто шеф находился на последней стадии изнеможения.

Ее неумеренная забота искала предмет для нежного удушения, но Борис привычно вывернулся, недоумевающая, как у матери трех детей хватает сил с таким рвением заботиться о ком-то еще. Или это свойство характера и не требует никаких энергозатрат? Себе он казался эгоистом, и утешало его только то, что его эгоизм, без сомнения, был разумным.

– Я не устал, спасибо. Лучше пригласите ко мне начальника экспертного отдела, нужно посоветоваться.

Секретарша чеканным шагом вышла из кабинета, и он услышал ее командный голос, приказывающий нерасторопному Игорю немедленно явиться пред ясны очи шефа.

Игорь появился через пару минут. Именно столько времени ему понадобилось, чтобы рысью промчатся через все немаленькое здание.

Помахав рукой, чтобы закрыть дверь, Борис кивнул ему на кресло. Тот плюхнулся в него, отдуваясь от быстрого бега.

– И чего ты летел, как на пожар? Ираиду не знаешь, что ли?

– Да знаю, как не знать! Просто от ее команд у меня условный рефлекс играет! Все своего сержанта вспоминаю, тот точно таким же тоном приказывал отдавал.

– Понятно, армейская привычка. Но я тебя позвал поговорить о последнем проекте. Как думаешь, прокатит?

Тот недоуменно пожал плечами.

– А с чего это вдруг не прокатит?

– Ну, теперь у меня дядя не губернатор.

– Конечно, нет. Теперь у тебя дядя министр. Это покруче будет. Так что не волнуйся, все будет тик-так.

Борис ухмыльнулся. Он тоже был уверен, что все срастется, но подчиненные должны думать, что он переживает и волнуется.

Они обсудили детали масштабного проекта по застройке целого микрорайона, земля под который была выделена еще с подачи дядюшки-губернатора. Потом Борис съездил на деловой обед с потенциальным заказчиком из Москвы. Планировали строить огромный торговый центр на главной улице города. Заказчик хотел попроще и подешевле, но Борис уговорил его заказать пусть типовое, но более приличное строение, напоминая на то, что безликих караван-сараяв, наводнивших город, полным-полно, и только привлекательное внешне здание может привлечь покупателей.

Потом он проехал по строящимся объектам и везде был занят делами до такой степени, что никакие посторонние мысли в голову не лезли. Он ездил бы до глубокой ночи, как делал

все последние четыре года, чтобы потом благополучно упасть в постель и заснуть, но сегодня такой возможности у него не было: у матери был день рождения, попробуй, не приедь. Поэтому он закончил в шесть, как положено по трудовому договору, и поехал на дачу.

Подъезжая к высоким воротам, Борис вспомнил, как увидел здесь Василису. Племянница неудачно упала с качелей, сломала ногу, и они с матерью так растерялись, что не знали, что делать. И тут появилась Василиса. Просто как спасение с небес. Такая спокойная, уверенная и деловитая. Она быстро остановила бегущую ручьем кровь, успокоила мать и приказала ему вызвать скорую. Не тогда ли он в нее и влюбился?

Или это произошло раньше, когда она отчитала его при Веронике, его тогдашней пассии, заявив, что он тупой нувориш? Он еще жутко возмутился и пожаловался главврачу, что было полным идиотством. Василисе пришлось уволиться из больницы и устроиться на станцию скорой помощи. Как же она его в то время ненавидела! И своей неприязни не скрывала. И тогда он решил провести ее «дорогой соблазнов», чтоб поняла, что она такая же любительница удовольствий, как и все вокруг, и ради красивой жизни запросто забудет все свои высокие принципы. И эта дорога соблазнов привела его в эту безнадежную яму, в которой он сидит сейчас.

От воспоминаний его отвлек появившийся из-за поворота черный Ситроен. Борис узнал машину отца и поразился. Отец с матерью давно развелись, и, насколько он знал, в последнее время не общались. Что отцу понадобилось на даче? Неужели приехал поздравить мать?

Он торопливо вышел из машины и помахал рукой. Ситроен притормозил возле него. Как он и ожидал, из окна водителя высунулся отец, еще нестарый мужчина с седыми висками и неожиданно озорным взглядом таких же, как и у Бориса, каре-зеленых глаз.

– Привет! Приехал мать поздравить? А чего с пустыми руками?

У Бориса в кармане был футляр с золотыми часами фирмы «шанель», о которых мать как-то заикнулась, но об этом он отцу ничего не сказал.

– Я сам как подарок. А вот ты что тут делаешь?

Отец как-то странно усмехнулся.

– Мне в руки попала собачонка, пекинес. Мне с ней возится некогда, вот я и вспомнил, что в те далекие годы, когда мы с твоей матерью наивно думали, что любим друг друга до гробовой доски, ей очень хотелось иметь пекинеса. Вот я и исполнил ту ее давнюю мечту.

Бориса насторожил его нарочито легкомысленный тон. Решил тактично напомнить, что он женат, чтоб не забывался.

– Как поживает твоя жена? – он сделал вид, что забыл имя третьей жены отца. Она ему, кстати, не слишком нравилась. Чересчур уж слащава. – Ей что, собака не понравилась?

Владимир Борисович широко развел руками.

– Не знаю, понравилась бы она ей или нет, она ее не видала. Ты не в курсе, что мы разошлись?

Борис хмыкнул.

– Уже? Быстро же! И куда ты ее дел?

– Ну, так уж и дел! Она и сама с усами! Она во Франции, преподает русский язык в Сорбонне. Хотя не понимаю, зачем французам русский язык. Здесь-то она французский преподавала, востребованнее была. Там у нее, насколько я знаю, всего пять учеников, из африканцев.

Борис скептически наблюдал за отцом. Несмотря на кажущееся спокойствие, в его лице легко читалась необычная для него уязвимость. И углы губ не смотрели кверху, как обычно, а уныло ползли книзу, хотя он упорно пытался их поднять.

– Что, с Олежкой парой слов перекинулся?

Отец досадливо покачал головой.

– Ну, и зануда же ты! Все тебе знать надо! Ну, перекинулся, естественно! И что такого?

Сын милостиво разрешил:

– Да ничего такого, ты прав! Говори с ним, сколько влезет. Но с чего ты так скис?

Владимир Борисович неожиданно сказал охрипшим голосом:

– Я это не из-за него, а из-за Ивана Ярославовича. Он мне сказал, что в свое время поступил глупо, не помешав жене развалить наш брак. И что после этой дурости мы так и не смогли нормально устроиться в жизни.

– Что, так и сказал? Устроиться в жизни?

– Точно так. Как будто рядом не было этого Олега.

– Понятно. Дед правду-матку режет, невзирая на личности.

– Он прав. – Отец посмотрел прищуренными глазами куда-то вдаль, будто увидел что-то такое, что видят далеко не все. – Я-то уж точно устроиться не смог.

– Несмотря на последующих жен и подружек между ними?

– Именно так.

– Обилие от недостатка? А ты не приукрашиваешь прошлое? Неосуществленные варианты всегда привлекательнее действительности.

Владимир Борисович встряхнулся и широко улыбнулся, отгоняя непрошенные видения.

– Возможно, ты и прав. Ну, пока! Тебя ждут, а мне пора!

Он уехал, а сын вошел в дом с заднего хода, на ходу озадаченно покачивая красивой головой. Встретил его залиvistый визгливый лай. На полу веранды стояло коротконогое пушистое существо серебристого цвета с жутко выпученными глазками и сердито облаивало всех вокруг. Светлана Ивановна пыталась подольститься к недовольной собачонке, умильно протягивая ей печенюшку в форме косточки. Собачонка на косточку вкупе с новоявленной хозяйкой вниманья не обращала, продолжая все так же визгливо брехать на озадаченно разглядывающих ее гостей.

Сидевший на кресле в углу веранды дед в сером летнем костюме сердито наблюдал за этим безобразием. Рядом стояла его трость красного дерева, и он несколько раз многозначительно на нее поглядывал, явно раздражаемый желанием проучить злокозненную собачонку.

Борис зашел на веранду и первым делом скомандовал расходившейся шавке:

– Тихо!

К удивлению собравшихся, та немедленно послушалась, замолчав.

Легонько постучав по ушам, зазвеневшим от внезапно наступившей тишины, Иван Ярославович восхитился:

– Ты, оказывается, прирожденный дрессировщик диких зверей! А Володька, похоже, решил отомстить нам за прошлое пренебрежение, подсунув это визгливое чудовище.

Светлана Ивановна чуть слышно пробормотала:

– Я им никогда не пренебрегала, – и добавила уже громко, для всех: – Как вовремя ты пришел, сынок! Мы никак не могли справиться с Жужей!

Борис с пренебрежением переспросил:

– Жужа? Что за плебейское имя?

– Вообще-то по родословной она Эванжелина, но Владимир посоветовал звать ее Жужей. Сказал, что она к этому имени привыкла. Ей уже полгода. Хорошенькая, правда?

Борис ничего симпатичного в выпученных глазках и наглom нравe собачонки не видел, но поспешно согласился, уж очень мать была растрогана этим совершенно неуместным, на его взгляд, подарком. Впрочем, у Светланы Ивановны на этот счет было другое мнение. Просюсюкав:

– Ах, моя дорогая Жужечка, я бы с удовольствием с тобой пообнималась, но сейчас пора садиться за стол, а перед едой обниматься с собаками негигиенично, – она отправилась в дом.

Собачонка, решившая, что безопаснее оставаться под защитой навязанной ей хозяйки, засемила следом.

Гости вслед за ними отправились в гостиную, а Борис подошел к деду и помог встать. Иван Ярославович покачался на худых ногах, будто проверяя их на прочность, и лишь потом сделал неуверенный шаг, опираясь на трость.

– Вот черт, что-то ноги прихватило. Даже трость пришлось из шкафа достать. Еле нашел, кстати. – Он не жаловался, просто констатировал неприятный факт.

Пользуясь тем, что гости ушли вперед, внук спросил у деда:

– Как здесь очутился отец? Он что, без приглашения приехал?

И услышал сногшибательный ответ:

– Ну, не совсем без приглашения. Я ему напомнил, что у его бывшей жены, являющуюся матерью его единственного ребенка, сегодня день рождения. – Предваряя вопрос внука, добавил: – Я видел его на прошлой неделе, когда ездил в университет на лекции.

– Зачем ты это сделал? – Борис не мог поверить своим ушам.

– Я еще читаю пару курсов, ты что, не помнишь?

– Не прикидывайся, что не понял мой вопрос! Зачем ты, по сути, позвал отца? Ты что, хочешь свести мать с отцом, развести с отчимом? На старости лет в сваты заделался?

Иван Ярославович сердито погрозил внуку узловатым пальцем.

– Это что еще за непочтительный тон! Скажем, решил исправить просчеты молодости. Что они несчастны, видно всем.

– А зачем тогда мать с отцом расходились?

– А потому, что в двадцать лет им и сходитья не стоило. Молокососы еще были, не понимали, что друг за друга нужно стоять горой. Вот одна мамочку послушалась, другого гордость заела. Вот и результат. Единственное светлое пятно в этой истории – это ты.

– Чего ж он тогда на день рождения не остался?

– На него наш Олежек кровожадные взгляды кидал, скушать был готов с потрохами. Вот он и решил, что пристойнее уехать. Зачем праздник портить?

Из дверей выглянул Олег и настойчиво позвал их в дом, заявляя, что все ждут только их. Гордо освободившись от поддержки внука, дед пошел вперед, Борис, чуть принахмурившись, за ним.

Застолье продолжалось до десяти часов вечера. Потом довольные гости уехали, а Борис остался в своей комнате на мансарде. Он частенько ночевал здесь по просьбе матери, считавшей, что отцу не хватает общения.

Немного поколебавшись, не слишком ли дед устал за сегодняшний сумбурный день, Борис прошел в его комнату. Иван Ярославович уже лежал в постели, читая какой-то толстенный талмуд. Внук устроился поудобнее в кресле напротив и внезапно сказал о том, что мучило его весь день:

– Дед, помнишь, мы говорили о Глебе Абрамове?

– О твоём конкуренте, что ли? Помню.

Борис подозрительно посмотрел на деда. Они об Абрамове в другом разрезе говорили. Дед явно мухлюет, но для чего?

– Ну, он мне не то чтобы конкурент, просто мы в одной сфере вращаемся. Он главным образом коттеджи строит, в общем, по малоэтажному строительству.

– Ясненько. Не тебе чета, одним словом. Ты же меньше чем за двадцатипятиэтажные высотки не берешься.

– Я о другом, дед. – Борис упрямо перевел разговор в интересующее его русло. – Ты в прошлый раз что-то про слабое звено говорил? Я Абрамова сегодня встретил, он выходил из дома с кралей. А сам женат, как ты знаешь.

– И что? Когда это ты заделался в моралисты? – дед был явно доволен услышанной вестью.

Это укрепило Бориса в его подозрениях.

– Да мне плевать на его моральный облик. Это не твоя работа, случайно? Хочешь его с Ольгой развести и посмотреть, что дальше будет? Рокировку думаешь устроить?

Иван Ярославович пронизывающе взглянул на внука.

– А что, ты против?

Борис сердито мотнул головой.

– Да. Я тебе уже говорил, что не хочу приносить боль Василисе. Она же любит этого своего Виталия. Хотя я и не пойму, что она в нем нашла.

– Ну, может, он не делал столько глупостей, как ты? – Иван Ярославович сказал это вскользь, что-то обдумывая. – Если бы ты правильно разыграл свои карты, Василиса была бы твоей женой.

– Не сыпь соль на раны, дед! Ты ведь тоже в этом принял посильное участие.

Иван Ярославович сокрушенно развел руками.

– Было дело, каюсь. Вот именно поэтому я и хочу поправить все, что можно. И начать хочу с твоей матерью.

– А Олежку куда денешь?

– А Олежку я в свою бывшую квартиру спроважу. Его-то там призраки былого не тревожат. А вот мне постоянно кажется, что Настя вот-вот из кухни выйдет.

– Думаешь, он согласится? От такой-то сладкой жизни?

– А куда он денется? Он мужик молодой, ему нормальную бабу нужно. Чтоб детей ему рожала и прочее.

Борис скептически свел брови в прямую линию. Он сильно сомневался, чтоб раздобревший до неприличия Олег смог найти нормальную женщину. Да и захочет ли он? Что-то это было сомнительно.

Иван Ярославович понял его сомнения без слов.

– Я ему все доступно объясню, не сомневайся. В свое время. А на твоём месте я бы немножко подтолкнул судьбу. В разумных пределах, естественно.

– Я не буду подталкивать судьбу, дед. Это, как правило, выходит боком. Я один раз уже попытался поиграть в вершителя судеб, получил по лбу. Больше не хочу.

– И что? Так и будешь сиднем сидеть?

– А что мне еще остается? – Борис разочарованно поднял брови.

– Действовать! – дед по привычке решительно рубанул рукой, подчеркивая свои слова. – Для начала поговори с Василисой. Вдруг она разлюбила этого своего Виталия? В жизни всякое случается.

Борис думал недолго. Ему и самому давно хотелось посмотреть на Василису, перекинуться с ней парой словечек. Но повода не было. А теперь настойчивость деда упала на благодатную почву.

– Ладно, дед. Уговорил. С Василисой поговорю. Разведаю, что к чему. Постараюсь сделать это ненавязчиво. Разве я не могу встретиться с ней совершенно случайно? – он принялся мысленно просчитывать возможные варианты «случайной» встречи.

Иван Ярославович понял его с полуслова и не преминул заметить:

– Конечно, выполнять чужие указания куда легче, чем что-то предпринимать самому. Всегда можно сказать, что ошибка была не твоя, – он саркастично усмехнулся. – И встретиться ты с Василисой, без сомнения, можешь совершенно случайно. Особенно если знаешь, как это устроить.

– Правильно мыслишь, дед. И я знаю, где это можно сделать.

– И где это, если не секрет?

– В бассейне, дед!

Иван Ярославович поразился.

– Как это?

– Все их станции от имени горздрава будет выделен абонемент на посещение бассейна. В любое удобное время. – Идею организовать «случайную» встречу практичный Борис реализовал быстро.

– То есть после работы, ты хочешь сказать?

– Точно! Я уверен, что Василиса рано или поздно, но появится в моем спорткомплексе. Я тебя туда возил, не забыл?

– А, ты про «Здоровье»? Но там ведь и поговорить не дадут! Кругом народу полно, шум и гам!

– Но могу же я пойти ее провожать, как ты думаешь? Просто так, по дружески?

– И посмотреть на ее поведение? Сказать правду она, думаю, не скажет. Но язык тела может рассказать о многом.

– Я неплохой психолог. Уверен, многое пойму и без слов.

Борис ушел, а Иван Ярославович еще долго не спал, о чем-то думая, хмыкая себе под нос и неосознанно напевая. Он был доволен собой. Первая часть его замысла благополучно воплотилась в жизнь. Теперь нужно поработать над его дальнейшим осуществлением.

Внезапно его осенила новая авантюрная идея: а не нанять ли ему детектива, последить за Василисой? Или, в крайнем случае, за Глебом? Он решил досконально обдумать эту мысль. Никогда не знаешь, что в жизни пригодится.

Глава вторая

Пал Палыч с все возрастающим удивлением слушал самодовольный голос заведующего горздравом. Тот долго рассуждал о пользе какого-то ведомственного соревнования, а потом торжественно объявил:

– За первое место переходящий вымпел, за второе почетные грамоты, за третье – благодарности. А твоя контора получила поощрительный приз: месячный абонемент в спорткомплекс на весь коллектив. Поздравляю!

Пал Палыч с трудом вспомнил, о каком соревновании шла речь. Но участвовала ли в нем подведомственная ему станция скорой помощи, ему вспомнить не удалось. Но признаваться в этом он, естественно, не стал. Кто же отказывается от халявы, пусть и незаслуженной?

Во время пересменки с победным видом вошел в комнату отдыха. Оля, Ася, Валентина и еще человек десять врачей и медсестер из разных бригад скорой помощи повернулись к нему и настороженно замолчали в ожидании неприятностей.

Главврач гордо возвестил, довольный, что на этот раз принес радостную весть:

– Горздрав по итогам полугодия выделил нам бесплатный абонемент в спорткомплекс «Здоровье» на месяц. Кто будет ходить? Время нам назначили после работы утром и вечером.

Все зашумели. Какой дурак не захочет задарма оторваться по полной? Спорткомплекс «Здоровье» был весьма популярен в городе, и попасть в него было не так-то просто даже людям с приличным достатком.

– Все хотим! – Валентина, как всегда, была первой в борьбе за свои интересы. – А с домочадцами нельзя?

Пал Палыч предвидел этот вопрос.

– Отчего же нельзя? Можно. Но уже за свои деньги.

Валентина расстроилась.

– И вот так всегда! Вот на западе думают о здоровье всей семьи сотрудников, а не только о трудоспособности работников.

Пал Палыч провокационно предложил:

– Так за чем же дело стало? Работайте на западе, только и всего!

Валентина сердито взмахнула руками.

– Если бы наши дипломы признавали в приличных странах, в России давно бы никого не осталось!

Оля осуждающе посмотрела на нее и попросила:

– Валя, говорите за себя, пожалуйста! Не нужно обобщать!

Сидевшая рядом с ней Василиса встрепенулась, но о чем-то вспомнила и сникла, так ничего и не сказав.

Уничтожая спор в зародыше, Пал Палыч попросил поднять руки тех, кому нужен абонемент. Руки подняли все. Сообщив коллективу, что подготовит все необходимое, он вышел, а отработавшие смену сотрудники разошлись кто куда.

Ася вышла вместе с Олей и Валентиной.

– О, теплынь сегодня какая! Понятно, почему горздрав нам абонемент только сейчас раздобыл! Все за городом на дачах, никто по спорткомплексам не ходит. Пустует «Здоровье», вот нас для массовости и припахали. – Валентина всегда умела выискать негатив в самом приятном событии. – Ладно, пока! Мне еще в универсам заскочить надо! – И она умчалась, размахивая сумочкой, как вырвавшийся на свободу школяр портфелем.

Оля посмотрела ей вслед.

– Почему она в жизни видит только плохое?

– А ей так жить интересней, – парадоксально предположила Василиса.

Оля недоуменно пожала плечами.

– Да? Мне это не нравится. Мне позитив больше по душе. Ну да бог с ней. Когда думаешь пойти в бассейн? Или ты на тренажеры ходить будешь?

Ася немного подумала.

– Если будет возможность, то и туда и сюда. Везде помаленьку. Что-то я форму теряю.

Оля вздохнула.

– Вот и я тоже. Но после родов от растяжек все равно не избавиться.

Василису будто кто-то острым ножом царапнул по сердцу, но она не подала виду и ответила с оптимизмом, который вовсе не ощущала:

– Это ерунда. Если муж на них внимания не обращает, то остальным-то какое дело?

– Ты права.

Это прозвучало так аморфно, что Василиса насторожилась.

– Ты чем-то расстроена?

Ольга немного помедлила, но тяжесть на сердце не дала промолчать.

– Есть немного. Может, это ерунда, и я себя просто накручиваю?

Василиса сочувственно спросила:

– Что случилось? Глеб себя как-то не так ведет?

– Нет, наоборот. Он очень заботлив и ласков. Просто мелочи всякие. То чужими духами от него пахнет, то он вдруг ляпнет что-то не то. Типа: «он мне это уже говорил», а я первый раз об этом слышу. Может, мне просто отдохнуть пора, как ты думаешь?

– Да, конечно! – заботливо подтвердила Василиса. – Наверняка все это от перенапряжения. Скоро у тебя отпуск, съездите куда-нибудь вдвоем, и все химеры развеются.

– Я тоже считаю, что мужу нужно доверять. Просто что-то на душе так беспокойно. Может быть, он тут вовсе и ни причем? Может, я за Лизу тревожусь? Няня, даже самая хорошая, это не родная мать.

Василиса охотно с этим согласилась, подумав про себя, что даже самая средненькая няня лучше любого детского сада. У племяшки в группе было почти тридцать малышек, и справиться с такой оравой воспитателю и няне вдвоем было сложновато.

Спохватившись, Ольга неестественно бравурным тоном заявила:

– Хотя мне грех жаловаться. Я живу дай бог каждому. В общем, забудь, о чем я тут наболтала, глупости это.

– Как хочешь.

– А как твоя семья? Все в порядке? – вопрос прозвучал осторожно, будто Оля боялась вызвать ненужные воспоминания.

Ася сделала вид, что не заметила этой опасливой интонации, и бодро заверила:

– Все хорошо! Ты же знаешь, Виталию дали заслуженного врача, теперь его на части рвут.

– Я его видела недавно. Важный такой стал, чопорный. Еле поздоровался со мной. Мне даже неудобно стало.

Василиса озадаченно на нее посмотрела. Ее мнение о муже в корне расходилось с нарисованной картинкой.

– Да? Странно. Мне показалось, что он не изменился. Но, возможно, я не права. Я слишком к нему близко.

Широко улыбнувшись, Оля согласилась с ее выводами и попрощалась. Дальше Ася пошла одна. До дому идти было всего пять минут, но она, задумавшись, умудрилась ползти эти пятьсот метров целых пятнадцать минут. После разговора с Ольгой и у нее на сердце зашевелилась тревога.

Она отдавала себе отчет, что Виталий относился к ней очень хорошо, но не любил. Для него она была удобной женой. Она не капризничала, не кокетничала с другими мужчинами. На нее всегда можно было положиться. Очень хотела ребенка, но Виталий был против. Считал,

что с этим еще можно подождать. Он вообще к детям относился более чем прохладно. Или он просто к ее гипотетическим детям относился так, а к ребенку Ольги у него было бы совсем другое отношение?

И что теперь? Похоже, семейная жизнь Ольги дала трещину. Возможно, она ошибается, но что-то ей говорит, что нет. Что будет делать Виталий, если Ольга вдруг окажется свободной? Уйдет к ней?

От одной этой мысли глаза наполнились слезами и мелкой дрожью задрожали руки. Этого она не перенесет! Она любит Виталия, любит всей душой! Вдруг сзади кто-то сказал ровным голосом Виталия: поменьше экзальтации, дорогая! Голос был так реален, что Василиса невольно обернулась. Пусто. Она мрачно хихикнула. Ну вот! Скоро у нее начнутся настоящие глюки!

Но голос прав: не стоит умирать раньше времени. Думать нужно о хорошем, а не то накараешь. О чем же хорошим подумать? А, завтра после смены она отправится в бассейн, от души наплавается, потом погрееется в сауне и заскочит в тренажерный зал. Хотя, если абонемент часовой, то выбирать придется что-то одно. Или два. Но это все равно очень приятно.

Дома ее ждал муж. Виталий в одних серых спортивных брюках, с голым торсом ходил по кухне и что-то напевал. Ася недовольно нахмурилась. Она не любила полуголых мужчин, ей это казалось неприличным. Но она привычно промолчала. Она никогда не делала Виталию замечаний.

К ее приходу Виталий уже приготовил легкий супчик из зеленой фасоли, брокколи и цветной капусты. На ночь они никогда ничего более плотного не ели. Вымыв руки и нацепив беззаботную улыбку, Ася прошла на кухню.

– Как здорово, что у тебя нет сегодня дежурства! – она искренне была ему благодарна за приготовленный ужин.

– И как здорово, что я умею готовить, – Виталий решил похвалить себя сам.

Ася саркастично присоединилась к похвале:

– Ага, и не считаешь это сугубо женским делом, как мои братья.

– И это тоже. Видишь, как тебе повезло?

– Я всегда знала, что мне повезло, – она не кривила душой.

Болтая о прошедшем дне, Ася разлила суп по тарелкам. Он показался ей удивительно вкусным, впрочем, как все, приготовленное Виталием. Поев, они устроились в спальне возле телевизора. Но глуповатые передачи Виталия быстро утомили, и он ушел в другую комнату, где стоял компьютерный стол с ноутбуком. Подключился к интернету и принялся читать последние новости из мира медицины, а Ася уставилась в экран, ничего не видя и не слыша.

Из головы не выходил разговор с Ольгой. Сердце наполнилось тревогой, она поневоле задумалась о своей жизни с Виталием.

Разве им плохо друг с другом? Они же прекрасно ладят! Или у Виталия так было бы с любой женщиной, ведь у него на удивление покладистый характер? Правда, она старается ничем не вызвать его неудовольствия, предугадывает все его желания, но ведь и он отвечает ей тем же! Чтобы соответствовать мужу, она перечитала все книги, что читал он, и теперь может поддержать беседу на любую тему. Даже все его любимые стихи выучила от строчки до строчки. «Каждый выбирает для себя...»

Вдруг перед глазами возник невесть чему усмехающийся Борис, и она удивилась. С чего бы это? Она сто лет о нем не вспоминала. Наверное, с дня свадьбы. Или даже раньше, когда слишком прямолинейно ответила ему «нет». А он заверил, что будет ждать столько, сколько нужно. Но с тех пор она его не видела и ничего о нем не слышала. Наверняка женился на каком-нибудь прелестном создании из окружения деда, живет в довольстве и благополучии, и забыл, как ее и звали. Она этому только рада.

Выключила надоевший телевизор, расправила постель и пошла в комнату. Виталий с упоением читал статью из нового выпуска «Медицинского вестника». Ася негромко кашлянула, привлекая его внимание. Он оторвался от экрана и с воодушевлением заметил:

– Великолепная статья! Как раз то, что мне нужно.

– У тебя никаких планов на завтрашний вечер нет?

– Нет, а что?

– Нам дали бесплатные абонементы на посещение спорткомплекса «Здоровье». Если ты не против, то я схожу завтра после смены.

– Почему я должен быть против? Иди, конечно. Я тоже как-нибудь в свою очередь оторвусь.

Кивнув, Ася ушла в спальню и уснула, так и не дождавшись зачитавшегося мужа. Впрочем, эта сторона семейной жизни не слишком ее прельщала. Так же, как и Виталия.

На следующий день после смены несколько человек отправились в спорткомплекс. Возле здания в несколько рядов стояли крутые иномарки, и Ася обеспокоенно протянула:

– Кто сюда ходит, интересно? Наверняка нувориши одни. А у меня спортивный костюм с китайского рынка. Купальник тоже оттуда. Я себя даже не вторым, а третьим сортом чувствовать буду.

Оля пожала плечами.

– Что это меняет? У нас своя компашка, у них своя.

Василиса замолчала, внезапно сообразив, что у Ольги подобных проблем нет. Глеб зарабатывал достаточно, чтобы его жена ни в чем не нуждалась.

Они зашли внутрь. Охранник у входа окинул их пренебрежительным взглядом, по их неброским нарядам сразу определив низкую платежеспособность. Но, узнав, что они со станции скорой помощи, внезапно стал чрезвычайно любезным. Прибывший на его вызов администратор также крайне предупредительно рассказал о порядках в спорткомплексе и пожелал им чувствовать себя здесь как дома.

Уже в раздевалке Оля заметила:

– Знаешь, Ася, я здесь в прошлом году полгода занималась, но такой обходительности и в помине не было. Странно. Если бы мы получили абонемент не от горздрава, я бы решила, что нас здесь так привечают неспроста.

– Может, просто хотят, чтобы мы стали постоянными клиентами? – простодушно предположила глазающая по сторонам Ульяна.

– Возможно. Но вряд ли врач скорой помощи может выложить за месячный абонемент десять тысяч.

Ульяна поразились.

– Десять тысяч? Ты это серьезно?

– Это минимум. Насколько я помню, абонемент «все включено» гораздо дороже.

Женщины потрясенно замолчали. Переодевшись, вышли в вестибюль бассейна. Там их ждала тренерша, энергичная невысокая дама средних лет.

– Кто будет заниматься аквааэробикой?

Они недоуменно переглянулись.

– Мы все хотим. Но сколько это будет стоить?

Дама несколько раз нетерпеливо подпрыгнула на одной ножке, напомнив надутый гелием шарик.

– Нисколько! За все заплачено! Время не ждет! За мной! – и она поскакала впереди, взмахом руки пригласив их за собой.

Небольшой бассейн для аквааэробики был пуст. Они опустились в приятную прохладную воду, и занятия начались. Тренерша казалась неумолимой, и Ася под конец занятий совсем выдохлась. Отдыхая в сауне в деревянном удобном кресле, решила, что на сегодня с нее доста-

точно, и в тренажерный зал она не пойдет. Когда коллеги дружной толпой двинулись в зал, она ушла в раздевалку, переделалась и вышла в фойе.

И замерла, не зная, что делать.

У выхода стояла группа высоких мускулистых мужчин, о чем-то негромко беседуя. Среди них выделялся Борис в кожаной куртке и черных джинсах. Несмотря на то, что Василиса не видела его уже несколько лет, узнала она его сразу. Интересно, он пришел на занятия или, наоборот, уходит? Он не смотрел по сторонам, но проскочить мимо него незамеченной не было никакой возможности. Решив вскользь с ним поздороваться и выйти, Василиса быстро пошла вперед. Проходя мимо, аморфно кинула «добрый вечер», обращаясь больше к охраннику, чем к Борису, и выскользнула в дверь.

У дороги остановилась, пытаясь сориентироваться. Район был малознакомым, сюда она шла в толпе коллег, повинувшись стадному инстинкту, и дороги не запомнила.

Внезапно из спорткомплекса вышел Борис и направился прямо к ней. Бежать было глупо, и Василиса изобразила милую улыбку, хотя встречаться с ним ей совершенно не хотелось. О чем можно говорить с бывшим поклонником?

Борис провел по ее лицу странно жадным взглядом и чуть поклонился.

– Сколько лет, сколько зим! Здравствуй, моя радость!

Василисе это приветствие показалось слегка издевательским, но она не стала лезть в бутылку, как непременно сделала бы прежде.

– Добрый вечер, Борис! – она постаралась, чтоб эти слова прозвучали как можно более чопорно.

– Добрый, добрый! – ее тон ничуть его не смутил. – Какими судьбами ты тут? Я здесь почти каждый вечер, но тебя ни разу здесь не встречал.

– Я случайно. Горздрав выделил абонемент.

– Понятно. Будешь ходить?

До этого вопроса Василиса была уверена, что использует абонемент на все сто, но сейчас засомневалась. Если она каждое посещение будет нарываться на Бориса, то овчинка выделки не стоит.

– Еще не знаю.

Он сразу догадался о причине ее неохоты.

– Если не хочешь меня видеть, то я могу этот месяц и в другом месте перекантоваться. Клубов много. Просто не пойму, чем я тебе так уж сильно досадил?

Василисе стало стыдно. В самом деле, как-то она себя неадекватно ведет. Просто рядом с ним она себя чувствует на редкость некомфортно. И почему, спрашивается? Ну, встретились случайно двое знакомых, что в этом криминального? Он не сделал ничего, что могло бы ее смутить. Так что проблема в ней, а не в нем.

– Ничем ты мне не досадил. Извини, если что не так.

Борису захотелось сказать, что в его жизни все не так, и виновата в этом она, но осмозрительно промолчал.

– Ладно, будем ходить оба. Не думаю, что мы будем так уж часто пересекаться. Как твои дела?

Он и без того знал, как ее дела, хотя бы внешне: пользуясь своим знакомством с Пал Палычем, не раз вытягивал из него нужную информацию.

– Нормально. Виталию дали звание заслуженного врача. Родные у меня все живы-здоровы, так что все хорошо. А у тебя как? – спросила она это только потому, что так принято.

– Аналогично. Только вот бабушки нет.

– Давно? – Ася вспомнила глуховатую придирчивую даму, и поняла, что не очень жалеет об ее уходе.

– Вот уже год. – И, предвывая следующий вопрос, быстро проговорил: – С дедом все нормально. Он теперь с моей матерью живет.

– Ты женат? – уже задав этот вопрос, Ася безмолвно выругала себя. Зачем она это спросила? Еще подумает, что он ей интересен.

И снова, как прежде, он понял ее мысли без слов. Саркастично заметил:

– Не бойся, я твое хорошее воспитание за искренний интерес к моей персоне не приму. – И продолжил уже нормальным тоном: – Не женат. Не вижу в этом смысла.

Василиса поневоле заинтересовалась.

– Почему? Нет смысла, поскольку возможностей и без женитьбы уйма, или нет достойной кандидатуры?

– И то и другое.

Этот уклончивый ответ Асе не понравился.

– Знаешь, мне пора. Я после смены, так что сам понимаешь.

Борис вежливо предложил, понимая, что в его машину она не сядет:

– Давай провожу. Здесь дворами гораздо ближе, чем на автобусе.

– А ты знаешь, где я живу?

– Видел как-то раз, в какой дом ты заходила вместе с Виталием.

Имя Виталий он произнес нарочито спокойно, и Василиса насторожилась. В чем дело? Он до сих пор не может простить ей отказа? Но это же глупо! Она никогда, ни словом, ни взглядом, не намекала ему о своей любви!

Борис властно взял ее под руку и повел вглубь облупленных старых домов. Василисе с ним идти не хотелось, но весомой причины для отказа не нашлось. Почему, когда нужно что-то срочно придумать, ничего в голову не приходит?

Был уже одиннадцатый час, но сумерки еще не наступили, белые ночи, светло почти до утра. Борис крепко держал ее под руку, и у нее началась какая-то странная дрожь внутри. Она не понимала, что это, но ей было не по себе, слишком тревожащим было это незнакомое прежде чувство. Какое-то рудиментное, ничего общего с нормальными человеческими чувствами не имеющее. Она даже боялась дать ему название. Оно ей совершенно не нужно. Она замужем и любит мужа.

Они проходили мимо грязноватых дворов с шумными разномастными компаниями, и Ася с тревогой смотрела на них. Как правило, от таких компашек ничего доброго ждать не приходилось. Но Борис вел себя так, будто ходил здесь тысячу раз, и Ася ругала себя за глупое волнение. Раньше бы она не обратила на эти компании никакого внимания, но годы жизни с Виталием отучили ее от глупой бесшабашности, как он это называл.

В очередном грязноватом дворе, оправдывая ее дурное предчувствие, дорогу им преградили подвыпившие парни. Один из них, видимо, главарь, засунул руки в карманы грязных джинсов, скорчил в мартышечьей гримасе прыщавое лицо и взыскательно потребовал:

– Вы к кому, граждане?

Борис непринужденно ответил:

– Просто идем мимо, а что?

Парень издевательски сообщил:

– А мы всем, кто идет мимо, помогаем идти мимо.

Компашка поощрительно заржала.

Борис выдвинулся вперед, оставляя за собой спутницу. Он уже пожалел, что сунулся в эти подворотни. Драться ему не хотелось, но придется, это очевидно. Зря он не прихватил охранников, они бы были в самый раз. Безмятежно попросил:

– Вот и не мешайте идти мимо!

Двинулся было дальше, но прыщавый парень вытащил из карманов руки. На больших кулаках оказались кастеты. Но не успел он размахнуться, как оказался распластанным по земле.

– Ух ты, гад какой! – и двор огласил крик: – Наших бьют!

Остальные парни всей гурьбой бросились на Бориса. Он дрался умело, быстро свалив еще двоих нападавших, но парней было слишком много, чтобы их можно было одолеть в одиночку. Борису пришлось бы плохо, если бы из с улицы во двор не зашел высокий парень и не гаркнул:

– А ну, тихо!

Парни замерли, только прыщавый парень, поднявшись, попытался еще раз ударить Бориса кастетом, и вновь упал, не выдержав борцовского захвата.

– Петька, кончай, или я тебе добавлю! – Вошедший парень повнимательнее посмотрел на Василису и вдруг обрадовано воскликнул: – А, это ты!

Ася недоуменно посмотрела на него, не в состоянии вспомнить, где и когда его видела.

– Я вас провожу. Тут у нас много слишком веселых компаний. – Парень решительно встал между Борисом и удалой компашкой.

Прыщавый парень угрожающе выговорил, с трудом разжимая пострадавшие при ударе челюсти:

– Ты, Леха, падла! Тебя в первую очередь надо! – и он сделал жест, подразумевающий быструю расправу.

– Заткнись, недоносок! – Леха презрительно сплюнул в сторону парня. – Смотри, как бы я тебя вперед уму-разуму не научил! А это для начала! – и он ловким движением сдернул у него с рук кастеты. – А вы, мелочь пузатая, быстро по домам! И чтоб я вас больше в компании этого придурка не видел!

Как ни странно, но парни без возражений побрели прочь. Замолчал и прыщавый парень, молча признавая главенство Лехи.

– Пошли, провожу! – Леха махнул рукой, показывая дорогу.

Они прошли через темную подворотню и вышли на освещенный тротуар. Леха выбросил кастеты в стоявшую по дороге урну и спросил у Василисы:

– Ты меня помнишь?

Она честно призналась:

– Не помню!

– А Машу помнишь?

У Василисы в мозгу промелькнуло неясное воспоминание.

– Это не ты тот парень, что ее пугал?

Леха коротко хохотнул.

– Было дело.

Василиса с любопытством посмотрела на парня. Он сильно изменился. И дело было не в одежде, а в чувстве уверенности в себе.

– Как Маша? Ждет?

– Нет. Не ждет. – Не успела Ася расстроиться, как он добавил со счастливыми нотками в голосе: – Мы живем вместе. Пока без регистрации, но вот защиту в этом месяце диплом, и поженимся. Приглашения уже разослали. Не хочешь прийти? Ты же своего рода моя крестная мать.

Василиса обрадовалась.

– Я очень рада. Но прийти не смогу, уж извини. Работа, сам понимаешь. А что ты заканчиваешь?

– Наш авиационный колледж. Тесть мне уже работу на своем заводе присмотрел, зарабатывать буду прилично. Я там и сейчас прирабатываю, не полную смену, правда. Маша в медакадемии учится, деньги нужны. Мы от родителей живем отдельно, квартиру снимаем. Правда, денег хватает только на еду да за квартиру. Машу ее родители одевают. Но скоро я сам. Маше подрабатывать не разрешаю. Пусть учится нормально. – Он увесисто бросал короткие рубленные фразы, подчеркивающие его уверенность в завтрашнем дне.

– А здорово ты разрулил ситуацию. – Ася была ему искренне благодарна. – Без тебя нам пришлось бы худо.

– Ерунда! – он с прищуром посмотрел назад. – Я здесь вырос, всех знаю. Меня здесь уважают. Никто из парней со мной связываться не будет. Кроме Петьки. Но он в одиночку в драку никогда не полезет, ему поддержка нужна. По жизни трус. Но задиристый. Впрочем, все трусы такие.

Он вывел их на ту самую аллею, где Василиса впервые увидела его и Машу, и прощально махнул рукой.

– Ну, пока! Я домой, Маша ждет. Беспокоится уже.

Он скрылся, а Василиса с умилением сказала:

– Как изменился парень! Приятно.

Борис согласился:

– Да, твои усилия не пропали даром. А я до чертиков рад, что он так вовремя появился. Иначе бы нам не поздоровилось.

– Это верно. Здорово тебя ударили? – она профессиональным взглядом посмотрела на его бок, который он машинально поглаживал.

У Бориса и в самом деле болели ребра, по которым успел садануть один из нападавших, но он бравадно пообещал:

– Ерунда, до свадьбы заживет. Ты не сильно испугалась?

– Нет, я к подобным разборкам привычная, как ты знаешь.

Они прошли мимо скамейки, на которой шумели подвыпившие юнцы, поливая всю округу бранными словами. Василиса пристально посмотрела на них, но прошла мимо.

– Что, решила не вмешиваться? – подначил ее Борис. – Раньше бы ты мимо не прошла, всех бы воспитала.

– Я поумнела. Всех не воспитаешь.

Борис нахмурился. Эта равнодушная Василиса была ему незнакома.

– Что, теперь ни во что не вмешиваешься?

– Почти. Стараюсь, во всяком случае.

Борису захотелось сказать, что замужняя жизнь подействовала на нее не лучшим образом, но он снова промолчал. Зачем лезть в бутылку?

Показалась знакомая девятиэтажка. Остановившись у своего подъезда, Василиса принялась скованно прощаться. Голос звучал сухо и равнодушно.

– Сердишься, что я тебя повел через дворы? Подверг ненужному риску, так сказать?

– Нет, конечно. Просто меня дома муж ждет. Мне пора. – Слово «муж» прозвучало с восторженным придыханием, и Борис поморщился.

Ася быстро ушла, а он вернулся на аллею, присел на свободную скамейку под старой корявой липой и задумался.

Итак, что мы имеем? От милой отзывчивой девочки с большой душой, в которую он в свое время влюбился, ничего не осталось. Кто в этом виной? Муж или время? Неужели то, что так очаровало его в ней четыре года назад, ушло безвозвратно?

Тогда стоит ли ему тосковать? Похоже, он любит мираж, давно развеянный ветром. Обидно, но ничего не поделаешь. Надо просто Василису забыть и жить своей жизнью. Попробовать с кем-нибудь сойтись. Вдруг понравится? А там уж как получится. В конце концов, тридцать два года самый подходящий возраст для ответственной женитьбы.

Глава третья

Задумавшись, Борис медленно шел по коридору своего офиса. В голове вместо рабочих вопросов вертелся один, сугубо личный: что делать? Сакраментальный вопрос без ответа. В самом деле, что он может сделать? Тут, прерывая его невеселые размышления, навстречу снова метнулась симпатичная девушка из бюджетного отдела. На ней были неуместные для офиса полупрозрачная черная блузочка и слишком короткая юбка. Она кинула на него искушающий взгляд из-под неестественно длинных ресниц и зазывно улыбнулась.

Борис усмехнулся. Все понятно. Обаяние власти и денег в действии. Интересно, посмотрела бы она на него, если бы у него не было ни того, ни другого?

Он остановился, перегородив ей дорогу, и поздоровался. Прозвучало это достаточно злое. Девушка с легким недоумением ответила на приветствие, назвав его по имени-отчеству.

Чисто по-мужски отметив ее оголенные стройные колени, Борис задумчиво спросил:

– А вас как зовут? Не помню, извините.

Девушка зачем-то приподнялась на цыпочках и широко улыбнулась. Видно было, что она поражена обращением к ней босса. Конечно, столько времени не обращал на нее внимания, и вдруг такая перемена!

– Оксана я. Березова. Из бюджетного отдела. – Голос у нее чуть подрагивал от волнения.

Борис вспомнил, как пару лет назад по просьбе Игоря приютил в компании его племянницу. Так вот почему она чувствует себя так вольготно! Думает, если у нее дядя начальник экспертного отдела, то она может позволить себе пофилонить?

– А когда вы работаете, Оксана Березова? Куда не пойду, постоянно вас на пути встречаю. Такое впечатление, что вы меня подкарауливаете. Только не пойму, зачем вам это нужно.

Оксана пошла некрасивыми красными пятнами. Она такой нелицеприятной беседы не ожидала. Нервно сглотнув, пояснила:

– Я за материальную часть отвечаю, поэтому постоянно по зданию бегаю, то одно проверяю, то другое. Ответственность большая, понимаете?

Это прозвучало так, будто он глуповатый маленький мальчик, не понимающий примитивных вещей. Это неожиданно напомнило Борису прежнюю, любящую поучения Василису, и он негромко засмеялся.

– Понятно. Но, думаю, цель у вас была все-таки другой. Что ж, я пойду вам навстречу. – И неожиданно для самого себя предложил: – Давайте сходим завтра в «Маленький Париж», если вы свободны, конечно?

Она ошеломлено посмотрела на него, не в силах так сразу уразуметь, что ей предлагают. Наконец, осознав, несколько раз моргнула и экспрессивно заявила:

– Потрясающе! Я очень рада! А во сколько?

Борис зачем-то посмотрел на часы.

– Ну, поскольку завтра суббота, то часа в четыре будет самое то, вы не находите?

Она поспешно согласилась, и с загоревшимися глазками побежала по коридору в свой отдел. Борис сердито подумал, что через десять минут о его приглашении будет известно всей конторе. Зря он это затеял. Прекрасно знает, что подружек нужно искать подальше от места работы, а вот не сдержался. А все Василиса виновата! Если бы эта Оксана не напомнила ему ее, он бы и не подумал никуда приглашать подчиненную. Но что теперь поделаешь? Надо идти. Вдруг ему повезет, и она окажется интересным человеком?

На следующий день ровно в четыре он неприкаянно стоял у входа в ресторан, провожая сумрачным взглядом входящие внутрь парочки. Интересно, во сколько же явится Оксана? Василиса терпеть не могла опаздывать, но что-то ему подсказывало, что Оксана из тех дамо-

чек, что любят помуржиться своего кавалера. Появляются они всегда с опозданием минут на пятнадцать, но зато в полном блеске сногшибательной красоты. Он вспомнил Веронику и поморщился. Интересно, на кого он нарвался в этот раз?

Как он и предполагал, Оксана прибыла в четыре пятнадцать на такси. Выпорхнув из машины в умопомрачительном серебристом наряде, оголенном и сверху, и снизу, она подлетела к нему, улыбаясь томной улыбкой и взмахивая все теми же неестественно длинными ресницами, на сей раз покрытыми блестящей серебряной пылью. На веках была такая же серебряная пыль. Борис саркастично подумал, что наряд и макияж больше подходят для встречи Нового года, чем для жаркого лета.

– Ах, здравствуйте! Извините за опоздание! Знаете, я совершенно не умею рассчитывать время! – Она трогательно вытягивала розовые губки, тщательно артикулируя каждое слово.

Оксана рассчитывала на галантный ответ типа «Что вы! Ждать вас одно удовольствие!», поэтому слова Бориса подействовали на нее, как ушат холодной воды:

– Вы что, привыкли, что мужчины, как собачонки, должны ждать вас на привязи? Я уже собирался уходить. Если я вас не привлекаю, вы меня не уважаете, то зачем согласились на встречу? Мне мое время дорого.

– Что вы, что вы, я вас очень уважаю! – ее голос был похож на блеяние испуганной овцы. – К сожалению, меня задержал мой имиджмейкер. Он такой маргинальный!

– Какой-какой? – Борис не поверил своим ушам. – Маргинальный? И в чем же выражается его эта самая маргинальность?

Оксана растерянно улыбнулась. Она не знала, что означает это слово в приложении к парикмахеру.

– Знаете, это он сам себя так называет, я просто повторила. Может быть, зайдём внутрь? Что-то прохладно становится.

Поскольку вовсю жарило солнце и в небе не было ни облачка, ее слова были полной туфтой. Борис с сардонической усмешкой взял ее под руку и повел внутрь.

– Вы сами заплатили за такси? Мне не нужно было это делать?

Она несколько пришла в себя и кокетливо взмахнула руками.

– Конечно, нет! Я заплатила за себя сама!

Слово «конечно» снова затронуло в душе Бориса тайные струны, и он поневоле смягчился. Возможно, она все-таки больше походит на Василису, чем ему показалось сегодня?

Зайдя внутрь, он задохнулся от внезапно нахлынувшей острой тоски. Зря он выбрал этот ресторан, переоценил свои силы. Со времени его ужина с Василисой здесь практически ничего не изменилось. Вон и столик, за которым они сидели с ней в тот далекий день, стоит себе на том же самом месте. Тогда он пытался заморочить голову ей, чтоб наказать, а в результате наказал сам себя. Забавно. Правильно говорят, что жизнь – это зеркало.

Отгнав ненужные мысли, вежливо пропустил спутницу вперед выбирать понравившийся столик, сам пошел следом. Оксана обошла несколько свободных столиков, наконец ей понравился столик у самой эстрады. Борис подумал, что вечером здесь будет слишком шумно из-за играющего на возвышении оркестра, но, в принципе, это неважно, так поздно он здесь задерживаться не собирался.

Официант принес меню в черной с золотом глянцевой обложке, и Оксана долго копалась, подробно спрашивая о калориях, жирности, свежести и прочей ерунде. Официант терпеливо отвечал, пряча раздражение за дежурной улыбкой. В результате она заказала легкий летний салатик и рыбное консоме. Борис вспомнил, сколько в свое время заказала Василиса, и усмехнулся.

Заметив его усмешку, Оксана быстро пояснила:

– Я никогда много на ночь не ем. Вы ведь не любите толстых женщин?

Василису худышкой никто бы не назвал, и Борис вяло пожал плечами.

– Suum cuique.

– Что-что? – Оксана удивилась. – Это по-каковски?

У Бориса окончательно испортилось настроение.

– Латынь. Каждому – свое. Я часто разговариваю с дедом, а он любит украшать свою речь цветистыми выражениями. Вот я и привык. Простите.

– Ах, да, ваш дедушка академик. – Оксана выпрямилась, будто перед ней возникла его зловещая тень. – Я его знаю. Когда училась в университете, я его часто видела. Он тогда ректором был. Если честно, его все студенты боялись. От его взгляда у всех дрожь в коленках начиналась. Такое чувство, что он тебя видит насквозь.

– Дед очень проницателен, это точно, – Борис снисходительно на нее посмотрел, давая понять, что он проницателен не менее деда.

Оксана внезапно извинилась:

– Вам, наверное, дико слышать от меня просторечные выражения. Но я обычно так не говорю. Это я от волнения. Я так давно мечтала куда-нибудь с вами сходить. И вдруг эта мечта сбылась. Вот я и лепечу невесть что. Извините. Вам это ухо режет, я вижу.

Борис с удивлением на нее взглянул. Она оказалась не такой примитивной дурочкой, какой показалась ему поначалу. Хотя примитивные дурочки университетов, как правило, не кончают.

– Да ничего. Иногда это забавно. Освежает.

Оксана окончательно сконфузилась.

– Да что вы! Что тут может освежать?! Ладно бы вы с работягами не общались, а то каждый день по стройкам мотаетесь. Не думаю, что при виде вас наши рабочие латынь вспоминают. Скорее уж теплые русские слова. Которые не для печати.

– Всяко бывает. Но обычно сдерживаются. Я себе непечатных высказываний не позволяю. И они тоже.

– Не только поэтому. У вас порой взгляд тоже такой пронзительный, как у Ивана Ярославовича. Тоже страшновато становится.

Борис кинул на нее этот самый «пронзительный» взгляд. Она ойкнула.

– Вот-вот! Такое чувство, что вы все обо всех знаете. Неприятное чувство, надо признать. Он тихонько хмыкнул. Провокационно поинтересовался:

– Но вам-то нечего скрывать, не так ли?

Бедная Оксана, приготовившаяся к приятному времяпрепровождению, и никак не ожидавшая неліцеприятных допросов, поперхнулась.

– Ой, я-то надеялась вкусно поесть в приятной обстановке, а вы мне допросы с пристрастием устраиваете! Как вы думаете, у подчиненных нечего скрывать от строгого начальства?

Борис расслабился и засмеялся.

– Ну, если вы не перевели на свой счет в банке пару-тройку моих миллионов, то, думаю, скрывать вам нечего.

Оксана изобразила милую улыбку, хотя глаза неприязненно сверкнули.

– Нет, конечно. Я к вашим деньгам никакого отношения не имею.

Борис понял ее намек и извинился.

– Простите, меня занесло не в ту степь. Конечно, я кажусь вам примитивным нуворишем.

– Нет, – исправляясь, Оксана стрельнула в него кокетливым взглядом, – я же знаю, сколько вы работаете. Нувориши не пашут, как папы Карло. Вы же живете на работе.

Борис мрачно подумал, что своим экстремальным трудолюбием он обязан исключительно Василисе.

Принесли горячее, и они принялись за еду. Поскольку Оксана, по мнению Бориса, проглотила консоме удручающе быстро, принялась болтать о какой-то ерунде, мешая ему сосредоточиться на вкусной еде, постоянно спрашивая его мнение то об одном пустяке, то о другом.

В шесть часов он решил, что с него хватит, приготовился расплатиться и уйти под предлогом неотложной работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.